

ТАЙНАЯ ВОЙНА НАПОЛЕОНА

ВЛАДЛЕН СИРОТКИН
**АЛЕКСАНДР
ПЕРВЫЙ
И НАПОЛЕОН**

ДУЭЛЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Владлен Сироткин

**Александр Первый и Наполеон.
Дуэль накануне войны**

«Алисторус»

2012

Сироткин В. Г.

Александр Первый и Наполеон. Дуэль накануне войны /
В. Г. Сироткин — «Алисторус», 2012

Книга известного историка В.Г. Сироткина посвящена непростым отношениям между Францией и Россией накануне войны 1812 года. Автор рассматривает вопросы, которые затрагивались при личных переговорах и в тайной переписке французского императора Наполеона I и русского царя Александра I. Все это напоминало поединок, в котором обе стороны готовы были сражаться до конца. По мнению автора, личное противостояние двух императоров носило драматический характер еще и потому, что оно могло закончиться союзом России и Франции, а не жестокой войной.

Содержание

Вместо предисловия	5
Мир или война с Наполеоном?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владлен Георгиевич Сироткин

Наполеон и Александр. Дуэль перед войной

Вместо предисловия

Дипломатическая и разведывательная предыстория эпопеи Отечественной войны 1812 года – неотъемлемая часть всей истории России нового и новейшего времени. Именно в кризисные годы «грозы 12-го года» складывалась геополитическая стратегия Российского государства на весь XIX и начало XX в. – установление баланса сил в Европе и мире после потрясений Великой французской революции, подписание союзов – «браков по расчету» (Тильзит), определение принципа «раздела сфер влияния» в Европе и на Востоке, идеологические изыски в дипломатии и т. д.

Привнесенные французскими якобинцами пропагандистские приемы в дипломатию и военное искусство («мир хижинам – война дворцам») в период наполеоновских войн, как и передовые военные тактические приемы (рассыпной строй солдат, артиллерия на конной тяге и т. п.), стали достоянием всех воюющих сторон. Вслед за «бюро по контролю за общественным мнением» (французская Директория, 1797 г.), преобразованным Бонапартом в пропагандистское «ведомство Фуше», аналогичные «бюро» и «ведомства» создаются и в странах-противниках Франции – Великобритании, России, Австрии, Пруссии, Швеции.

«Война перьев» Наполеона и Александра I породила целый ряд устойчивых лжеконцепций, которые будут эксплуатироваться дипломатами и политиками Европы и мира последующие два века, особенно, в глобальном идеологическом противостоянии СССР и США после Второй мировой войны.

Скажем, запущенная еще в 1806–1807 гг. пропагандистская «утка» Наполеона о «русской угрозе» Западу (фальшивое «Завещание Петра Великого») окажет огромное воздействие даже на К. Маркса и Ф. Энгельса и принудит И. В. Сталина в 1939 г. выступить с критикой отцов-основателей марксизма.

Наоборот, «анафемы» Священного Синода Русской православной церкви в 1806–1815 гг. против «исчадия ада – Буонапартия» трансформируются в уваровскую триаду «самодержавие – православие – народность» (1832 г.), ставшую знаменем не только монархистов царской России, но и неомонархистов России «демократической».

Вместе с тем, эпоха наполеоновских войн (и Отечественная война 1812 г. как их неотъемлемая героическая часть) оставили глубокий след в истории, культуре, архитектуре и Франции, и России. Станция метро «Иена», улица «Тильзит» рядом с площадью «Этуаль-Шарль де Голль», мост «Аустерлиц», бульвары имени наполеоновских маршалов, Триумфальная арка и музей Инвалидов наконец: на арке выбиты поля сражений в России, а в Инвалидах (музее французской армии) хранятся отбитые русские знамена и пушки – в Париже, как бы перекликаются с теми же знаками русской воинской славы в Москве – восстановленным Храмом Христа-Спасителя, музеем-панорамой «Бородинская битва», отбитыми у французов пушками у Арсенала в Кремле.

Характерно, что инициаторами создания монументальных памятников и эпопеи 1812 года, и войн 1805–1814 гг. выступили два главных фигуранта этой военно-дипломатической дуэли – Наполеон и Александр I.

Отрадно, что и в XXI веке эта память не иссякает, и не только о победителях, но и о побежденных, причем не в одной Российской Федерации. Так, стараниями нашего современника неугомонного профессора Фернана Бокура, директора частного Института наполеоновских исследований в Париже, на р. Березине у гор. Борисова в Белоруссии 16 ноября 1997 г.

был поставлен второй памятник «павшим Великой армии» (первый с 1913 г. стоит на Бородинском поле).

Мир или война с Наполеоном?

Великая французская революция 1789–1799 гг. не только смела абсолютизм во Франции, но и оказала огромное революционизирующее влияние на другие страны. Страх перед «революционной заразой» и стремление защитить устои легитимизма вызвали к жизни анти-французские коалиции.

Республиканской и Консульской Франции в 1792–1800 гг. удалось не только отстоять Отечество, но и отбросить армии феодальных коалиций от дореволюционных границ страны. Заметную роль в этой справедливой войне в 1793–1797 гг. сыграл молодой генерал Бонапарт. Его сравнительно легкий государственный переворот 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. привел генерала к вершинам власти во Франции.

Но если внутри Франции Наполеону сравнительно легко удалось в 1799–1804 гг. закрепиться на престоле, то на международной арене дела обстояли сложнее.

Стремление Наполеона путем провозглашения империи во Франции подчеркнуть разрыв с революционным прошлым страны, встать в один ряд с «законными» монархами Европы для облегчения дипломатической и военной экспансии и поисков союзников в борьбе против Англии первоначально наталкивалось на отказ легитимистской Европы. Для рядового русского мелкопоместного дворянина или прусского юнкера Франция в конце XVIII – начале XIX в. психологически оставалась «исчадием революции», а Наполеон – ее «революционным генералом». Поэтому союз с ним представлялся едва ли не как предательство интересов дворянского класса, и на первых порах дипломатия феодальных государств не могла не считаться с этими настроениями.

Кстати, и для самого Наполеона эта психологическая предубежденность дворянской Европы против его мнимого «якобинизма» служила немалой помехой: не случайно после провозглашения в 1804 г. империи он упорно добивался признания своего нового титула «императора французов» феодальными дворами, включая соответствующий пункт в статьи мирных и союзных договоров.

Весьма любопытно в этой связи свидетельство одного из близко знавших Наполеона лиц, небезызвестного князя Меттерниха. «Одним из постоянных и живейших огорчений Наполеона, – писал князь, – было то, что он не мог сослаться на принцип легитимности как на основу своей власти... Тем не менее он никогда не упускал случая, чтобы не заявить в моем присутствии живейший протест против тех, кто мог вообразить, что он занял трон в качестве узурпатора.

«Французский престол, – говорил он мне не раз, – был вакантным. Людовик XVI не сумел удержаться на нем. Будь я на его месте, революция никогда не стала бы совершившимся фактом...»

Вместе с тем требование признать его императором, кроме династических соображений, диктовалось и вполне практическим стремлением закрепить за Францией новые территориальные приобретения, ибо в официальный титул Наполеона включался не только «император французов», но и «король Италии», «протектор» Рейнского союза германских государств и т. д.

Дипломатическое признание императорского титула Бонапарта (обязательное требование наполеоновской дипломатии в 1804–1807 гг.) автоматически означало юридическое санкционирование всех новых захватов Франции, осуществленных ею к моменту этого признания. Между тем ярко выраженное стремление наполеоновской дипломатии пересмотреть всю систему европейских дипломатических соглашений, сложившихся к концу XVIII в., наталкивалось на сопротивление участников антинаполеоновских коалиций, видевших в этой политике Франции угрозу «европейскому равновесию». Душой этих коалиций с самого начала стала Англия.

Основным преимуществом английской дипломатии в конце XVIII – начале XIX века в борьбе против Франции было то обстоятельство, что она действовала не в одиночку, а в составе антифранцузских коалиций, щедро снабжая своих союзников оружием, деньгами, предоставляя им свой военный и торговый флоты.

Поэтому с первых дней своего правления Наполеон поставил перед французской дипломатией задачу расколоть этот антифранцузский фронт, заключить союз с партнерами Англии или, на худой конец, нейтрализовать их.

Из всех союзников англичан по антифранцузским коалициям самый большой интерес в этом отношении представляла Россия. Крупнейшая континентальная держава Европы, она обладала могучей армией и оказывала огромное влияние на международные отношения начала XIX в.

Приспособление царизма к складывающимся новым производственным и общественным отношениям в послереволюционной Европе находило отражение как во внутренней, так и во внешней политике.

Причин для такой позиции имелось несколько. Главной из них была потребность в освоении обширных территориальных приобретений, осуществленных правящими классами России к началу XIX в. на западных (польско-литовские земли) и особенно южных (Северное Причерноморье) границах империи. Поскольку новые границы Российской империи были закреплены соответствующими международными соглашениями, постольку основная задача царской дипломатии в тот период состояла в сохранении этих соглашений как выгодных на данном этапе правящим кругам России.

До тех пор, пока Франция и Англия открыто не посягали на эти соглашения и не угрожали своей военной силой непосредственным границам России, часть правящего класса Российской империи считала для себя выгодным некоторое время находиться в стороне от англо-французского политического и торгового соперничества. Эта тенденция проявилась еще до революции при Екатерине II. Страх русского дворянства перед «революционной заразой» временно ослабил эту тенденцию, выдвинув на первый план стремление к консервации в Западной Европе феодальных порядков. Однако с началом наполеоновской эпохи во Франции и обострением прежнего англо-французского соперничества она ожила вновь. Сторонники нейтралитета России называли эту тактику политикой «свободы рук».

Политика «свободы рук» в англо-французском конфликте отражала также стремление правящих классов России эпохи Александра I получить известную передышку для некоторых внутрисполитических реформ: государственного аппарата (учреждение министерств в 1802 г.), образования (в частности, увеличение числа университетов и создание лицеев), экономического освоения южных областей (создание «Комитета о устройении Новороссийской губернии») и т. д.

Наиболее четко основные принципы политики «свободы рук» применительно к международной обстановке начала XIX в. были изложены в докладе управляющего Коллегией иностранных дел В. П. Кочубея, зачитанном им на заседании «негласного комитета» 25 августа 1801 г. Кочубей проанализировал внешнюю политику Екатерины II и Павла I, причем все его симпатии были на стороне первой. Затем он подробно остановился на отношениях России со всеми основными странами Европы к моменту воцарения Александра I, сделав следующий вывод: «Наше положение дает нам возможность обойтись без услуг других держав, одновременно заставляя их всячески угождать России, что позволяет нам не заключать никаких союзов, за исключением торговых договоров».

* * *

Наиболее полное воплощение политика «свободы рук» нашла в соглашениях России с Англией и Францией. 17 июня 1801 г. в Петербурге была подписана англо-русская морская конвенция. Несмотря на то, что эта конвенция по форме носила характер частного соглашения по одному вопросу, по существу, это был политический договор, определяющий характер англо-русских отношений. Конвенция носила компромиссный характер: Россия отказывалась от попыток укрепить лигу держав так называемого второго вооруженного морского нейтралитета – детище Павла I, но Англии не удалось привлечь Александра I на свою сторону для продолжения борьбы с Францией.

И, наконец, вершиной политики «свободы рук» были франко-русские соглашения, подписанные 8—10 октября 1801 г. в Париже. Это был первый русско-французский мирный договор после революции. Статья 1-я восстанавливала нормальные дипломатические отношения по образцу русско-французских до 1789 г. Обе стороны брали обязательства не оказывать «ни внешним, ни внутренним врагам другой никакой помощи войсками или деньгами под каким бы то ни было наименованием». Статья 5-я договора предусматривала заключение франко-русского торгового договора. Впредь до его заключения коммерческие отношения должны были строиться «на основаниях, существовавших до войны».

В целом договор означал признание Франции де-юре равноправным государством Европы, конец обвинений в распространении «революционной заразы». Царское правительство официально признавало внутренние изменения в буржуазной Франции. Одновременно договор был свидетельством признания со стороны крепостнических кругов России того факта, что революция во Франции закончилась и там, «слава богу», правит «законное» правительство. Франция становилась равноправной в сообществе великих держав Европы. Мирный договор с Россией означал большую победу французской дипломатии.

Заклученная в дополнение к мирному договору секретная конвенция определяла будущие франко-русские отношения. Конвенция не решала ни одного из спорных вопросов, но в ней проводилась идея дипломатического сотрудничества России и Франции при урегулировании двух основных спорных вопросов – германского и итальянского. По существу, это был раздел сфер влияния в Европе на базе статус-кво 1801 г. и установления совместного влияния России и Франции на дела Центральной Европы и Южной Италии.

Несмотря на явное нежелание правительства Александра I на первых порах вмешиваться в англо-французский конфликт, и английская, и французская дипломатия не оставила надежду привлечь Россию на свою сторону. Англичане взывали к легитимистским чувствам царя и его ближайшего окружения, усиленно ссылаясь на имевший уже место прецедент – дипломатическое и военное участие России в I и II антифранцузских коалициях. Французы же всячески расписывали выгоды франко-русского союза. Однако позиции наполеоновской дипломатии были слабее – опыт скоропалительного и неудачного союза 1800 г., заключенного Павлом I с Францией, выявил в дворянских кругах России сильную антифранцузскую оппозицию. Нежелание считаться с настроениями дворянства стоило Павлу I жизни – в ночь с 23 на 24 марта 1801 г. он был убит. В числе участников этого дворцового заговора были и сторонники возобновления англо-русского союза против Франции.

В 1801–1803 гг. оба посла – английский посол Сент-Эленс (и сменивший его в августе 1802 г. Уоррен) и французский посол генерал Гедувиль – настоятельно домогались союза своих правительств с Россией. Поводом для привлечения царя на свою сторону они избрали вопрос о посредничестве России в англо-французском конфликте из-за обладания островом Мальтой в Средиземном море, имевшим важное военно-стратегическое значение. Однако правительство

отклонило предложения о русских гарантиях статута острова Мальты и заняло позицию нейтралитета в новой англо-французской войне, возобновившейся в мае 1803 г.

* * *

Мирная передышка 1801–1803 гг. была использована верхушкой дворянства для определения внешнеполитического курса России, прежде всего в отношении Франции. По вопросу о будущих франко-русских отношениях среди русских государственных деятелей не было единства мнений. Наиболее отчетливо выделялись две точки зрения.

Представители первой делали и акцент на прошедших во Франции внутриполитических изменениях (приход к власти Наполеона и его заявление – «революция закончилась»).

Превращение Франции из источника «революционной заразы» в «нормальную» державу ставило ее, по их мнению, в один ряд с буржуазной парламентарной монархией в Англии, которая отнюдь не угрожала феодально-крепостническим устоям России. Поэтому часть русских правящих кругов уже не видела в борьбе против Франции прежних задач реставрации королевской власти и склонна была принять установившийся во Франции буржуазный строй. Не отказываясь от задачи поддержания феодально-абсолютистского строя в Европе, эта часть правящих кругов вместе с тем пыталась акцентировать внимание русского дворянства, а также крупного русского купечества на задачах закрепления и расширения сделанных при Екатерине II территориальных завоеваний. Вместо дорогостоящих и невыгодных, по их мнению, войн с Францией вдали от русских границ за идеи легитимизма они предлагали встать на прежний путь поддержания в Европе равновесия между Англией и Францией, Австрией и Пруссией, а острие внешней политики России обратить на Восток (укрепление и расширение позиций царизма на Кавказе, в Закавказье, балканских провинциях Турции, в Средней Азии и на Дальнем Востоке). Практически эта точка зрения временно нашла свое выражение в политике «свободы рук» 1801–1803 гг.

Наиболее часто в защиту этой концепции в дотильзитский период выступали министр коммерции Н. П. Румянцев, министр морских сил Н. С. Мордвинов и вице-канцлер А. Б. Куракин. Так, Румянцев, разделяя принципы политики «свободы рук», считал, что наибольший эффект она принесет тогда, когда в Европе удастся создать политическое равновесие (баланс) трех государств: Англии, Франции и России. Последняя, не беря никаких дипломатических обязательств по отношению к любой из двух других, должна поддерживать самые тесные торговые связи и с английскими, и с французскими купцами.

Но поскольку Англия сумела занять преобладающее место в русской торговле на Балтике и тем привязала к себе русских экспортеров, Румянцев выдвинул целую внешнеторговую программу избавления от этой экономической зависимости. В частности, он предлагал начать активное освоение морского торгового пути через Черное и Азовское моря. Вступая в открытую полемику с «англофилами», стремившимися доказать неизбежность экономической зависимости России от Англии в области морской торговли, Румянцев отстаивал возможность и необходимость для России иметь свой, отечественный торговый флот.

Представители другой точки зрения не видели или не хотели видеть в государственном перевороте Наполеона удушения революции. Они по-прежнему отстаивали идею вооруженной борьбы России в союзе с Англией и другими державами против Франции. По их мнению, лишь военный разгром наполеоновского государства ликвидировал бы угрозу экспансии Франции в Европе и позволил России заняться внутренними проблемами. Только вооруженная наступательная борьба с Францией даст России возможность не только сохранить, но и увеличить территориальные приобретения. Поэтому они выступали против каких-либо мирных, а тем более союзных переговоров с Наполеоном. Ссылаясь на давний опыт англо-русского дипломатического и торгового сотрудничества, имея опору среди дворянства и купечества на севере

и в центре России, они упорно отстаивали концепцию самого тесного англо-русского союза. Наиболее яркими представителями англофильства в первые годы царствования Александра I были кратковременный министр иностранных дел России (март – октябрь 1801 г.) Н. П. Панин, многолетний посол в Лондоне С. Р. Воронцов, его брат канцлер А. Р. Воронцов, посол в Вене А. К. Разумовский.

Наиболее последовательным «англофилом» был С. Р. Воронцов. Крупный русский помещик, Воронцов провел свыше 20 лет в Англии на посту русского дипломатического представителя. Противник революционных идей, сторонник безоговорочного и самого тесного экономического и политического союза России и Англии, он всю свою жизнь был убежденным противником Франции, которая, по его мнению, навсегда останется источником «революционной заразы» для европейских монархий. Он отрицал необходимость каких-либо переговоров с Францией, решительно боролся против франко-русского сближения при Павле I, за что и был отстранен последним от поста русского посла и подвергся опале.

* * *

В период интенсивного обсуждения внешнеполитического курса России (первые годы правления Александра I) программа самого тесного союза с Англией была изложена в записке Н. П. Панина «О политической системе Российской империи» (июль 1801 г.).

Возражая тем, кто считал, что Россия должна проводить политику «свободы рук» и неучастия в союзах (намек на В. П. Кочубея), Панин доказывал необходимость союзов для «удержания пограничных государств в рамках их нынешнего могущества». «Естественными союзниками» России, по Панину, были Австрия, Пруссия и Англия. Особенно необходим был союз с Англией: «Политические и торговые отношения между нашим и лондонским дворами основываются на полном совпадении интересов и невозможности столкновения последних, пока и тот, и другой придерживаются своей обычной здравой политики».

Панин отрицал угрозу морского могущества Англии для России. Более того, вместе с Воронцовым он подвел теоретическую базу под это утверждение: целиком приняв мнение, изложенное Воронцовым в ранее написанной записке о вооруженном морском нейтралитете, Панин заявлял: «Поскольку Россия не имеет и иметь не может активной торговли, рост морского могущества Англии не только не причиняет ей никакого вреда, но даже приносит ей большую пользу, удерживая дворы Севера (Пруссию, Швецию и Данию. – В. С.) в состоянии слабости, сохранение которой нам весьма желательно...».

Из всего этого Панин делал следующий вывод: «Стало быть, в том, что касается торговли, интересы Англии не противостоят нашим, и, напротив, торговля с нею приносит России весьма большую пользу, приводя в обращение крупные капиталы; что касается политики, то и здесь мы видим то же совпадение интересов обоих государств». По мнению Панина, основная угроза для России исходит от Франции как нарушительницы европейского равновесия. «Опасности, грозящие Европе, – писал он, – имеют три различные причины: деспотизм и честолюбие Франции, честолюбие Англии, распространение революционного духа. Надо выбирать между тремя, так как всех их сразу избежать невозможно... Исходя из этого принципа, легко доказать, что самая большая опасность для России исходит от Франции, что и предreshает сближение с Англией».

Таким образом, записка Панина в наиболее концентрированном виде выражала точку зрения тех кругов, которые требовали безоговорочного союза с Англией против Франции.

Александр I и его «молодые друзья» в 1801–1803 гг. пытались занять позицию «центра». Надо сказать, что политические симпатии большинства «молодых друзей» (А. А. Чарторыйского, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева) были на стороне сторонников вооруженной борьбы с Францией. Позднее все трое (особенно Чарторыйский) стали одними из главных

вдохновителей и организаторов III антифранцузской коалиции. Однако в 1801–1803 гг. они воздерживались от поддержки сторонников той или другой точки зрения.

Неизвестно, как долго придерживались бы в Петербурге тактики «свободы рук», если бы Франция снова после небольшой передышки (вызванной главным образом заботами Наполеона по укреплению своей власти внутри страны) не начала дипломатическое наступление сначала на Балканах, а позднее в германских государствах. Оно ставило под угрозу то неустойчивое равновесие сил России и Франции, которое было зафиксировано в парижских соглашениях 1801 г.

25 июня 1802 г. в Париже наполеоновская дипломатия заключила мирный договор с Турцией. Но Франция не ограничилась одними дипломатическими демаршами. На восточном побережье Италии она начала концентрировать войска, готовя военный десант на западные Балканские провинции Турецкой империи. Заигрывание эmissаров Наполеона с турками, с одной стороны, и угроза прямого военного вторжения на Балканы в случае провала этого дипломатического флирта – с другой, не на шутку встревожили руководителей внешней политики в Петербурге.

Царская дипломатия со времен Екатерины II всегда очень ревниво относилась к действиям любой другой иностранной – будь то английская или французская – дипломатии в Константинополе. И было из-за чего: в конце XVIII в. России удалось заключить с Турцией не только мирный (1792 г.), но и союзный (1799 г.) договор. Они закрепляли за Россией все территории, отвоеванные у Турции в XVIII в. (юг Украины, Крым, Северный Кавказ), а главное – открывали Черное море, обеспечивая свободный проход русским судам через Босфор и Дарданеллы. Южнорусские помещики и купцы только-только получили, наконец, свободный выход в Средиземное море, как вновь над проливами нависла угроза: наполеоновская дипломатия, играя на еще не заживших ранах турецких пашей или шантажируя их угрозой войны, подбирала ключи к воротам из Черного моря.

Не менее активно стала действовать наполеоновская дипломатия и в германских государствах. Игнорируя парижские соглашения 1801 г. о совместном с Россией влиянии на германские дела, она посулами или угрозами начала склонять на сторону Наполеона вечно враждовавших между собой германских князей.

* * *

Действия Франции повлекли за собой немедленную реакцию России. Особую заботу вызывали Балканы.

К числу мер, призванных помешать проникновению Франции на Балканы, относилось превращение островов Ионического архипелага на Адриатическом море в русскую военноморскую базу. Тем самым правящие круги России пошли на прямое нарушение статьи 9-й франко-русской конвенции 1801 г., гласившей, что «иностранных войск на сих островах более не будет», а также на отмену принятого 15 июня того же года решения Государственного совета о выводе русских войск из Неаполя и с Ионических островов.

Интересно отметить, что именно один из сторонников «свободы рук», тогдашний министр иностранных дел В. П. Кочубей первый в докладной записке Александру I от 30 декабря 1801 г. предложил, превратить Ионические острова в опорную базу России, послав туда специального представителя, военные суда, артиллерию и войска. В феврале 1802 г. предложение В. П. Кочубея было одобрено, и в августе из Одессы на Ионический архипелаг прибыл русский полномочный представитель граф Г. Д. Мочениго во главе экспедиции в 1600 солдат и офицеров на пяти судах.

К осени 1804 г. Россия на Ионических островах имела уже около 11 тыс. солдат и свыше 16 военных кораблей. Кроме того, Мочениго было поручено спешно создавать военные фор-

мирования из албанцев, черногорцев и греков под командованием русских офицеров. По приказанию Александра на острове Корфу был создан также военный комитет по обороне Ионических островов и балканского побережья от возможного вторжения французов из Италии.

Весьма характерно и то обстоятельство, что, несмотря на отчаянные призывы неаполитанской королевы не выводить русские войска из Неаполя, Александр I все же приказал их командующему генералу Бороздину погрузиться на суда и отправиться на Ионические острова.

Следует отметить, что в других районах Европы Россия не предпринимала в 1802–1804 гг. таких шагов.

Это достаточно наглядно свидетельствует, что для правящих классов России общеполитическая задача защиты легитимизма в Европе уже начала уступать место боязни потерять свои собственные позиции, хотя в ответном письме к неаполитанской королеве Карлотте царь патетически восклицал о верности делу защиты «законных» монархов от «узурпатора. Бонапарта». Александр I довольно четко отделял общелегитимистские задачи от непосредственных интересов правящих классов России.

Угроза изменения статус-кво на Балканах и в Германии, исходившая от Франции, усилила аргументы противников тактики «свободы рук». Первым выступил А. Р. Воронцов. 24 ноября 1803 г. он представил царю «Записку в доклад», в которой набросал общую картину экспансии Франции на севере Германии и в Италии. Особую угрозу интересам России представляли планы Наполеона в отношении Турции. Высадка французской армии на Балканах, по мнению Воронцова, означала бы неминуемый распад Османской империи. Не ограничиваясь констатацией фактов, Воронцов предлагал начать немедленную подготовку к войне против Франции. Доклад Воронцова был первой ласточкой, возвестившей начало отхода России от политики только дипломатического сдерживания экспансии Франции. Но до окончательного отхода было еще далеко. Александр I никак не отреагировал на предложения Воронцова.

В более осторожной форме выступил Чарторыйский. Его записка Александру I от 29 февраля 1804 г. была целиком посвящена мерам по противодействию Франции в Турецкой империи. Сославшись на то, что Александр I уже начал консультации с английским правительством по этому вопросу, Чарторыйский, напоминая о «традиционных интересах» России на Балканах, предлагал начать с Англией союзные переговоры с целью защиты Турции от нападения Франции.

Однако английские дипломаты рано потирали руки, предвкушая скорое заключение англо-русского союза против Франции. Тот же Чарторыйский писал 9 марта 1804 г. в Лондон С. Р. Воронцову: «Император готов вступить в борьбу, как только события его к этому вынудят, но если он не боится быть принужденным к войне своими врагами, то он не хотел бы быть в нее втянутым в результате своих собственных действий или действий своих друзей. Подобные чувства, в основе которых лежит желание избегать войны так долго, как это позволит честь и безопасность империи, послужат для вас темой, при изложении и развитии которой вы будете руководствоваться вашим просвещенным и горячим патриотизмом». Единственный вопрос, по которому Россия готова консультироваться с Англией, – это восточный вопрос.

И действительно, царское правительство пока не очень заботилось о том, что непосредственно затрагивало его интересы. Так, оно отказалось поддержать Англию в деле защиты наследственных прав английских королей на курфюршество Ганновер, захваченный в 1803 г. Францией, но издало 29 марта 1804 г. декларацию о защите совместно с Данией «вольных ганзейских городов» от притязаний Франции, поскольку захват этих городов угрожал сокращению русской торговли на Балтике.

* * *

Новое столкновение двух точек зрения на дальнейшую политику России в отношении Франции произошло на заседании Государственного совета 17 апреля 1804 г. Формально поводом к заседанию послужило обсуждение позиции русского правительства в связи с расстрелом по приказу Наполеона герцога Энгиенского, близкого родственника казненного революцией французского короля Людовика XVI. Фактически же речь шла о внешнеполитическом курсе России в условиях новой международной обстановки, которая характеризовалась все расширявшейся англо-французской войной и ростом притязаний Франции на Балканах, Ближнем Востоке, в Италии и Германии. Как и в 1801–1803 гг., в ходе обсуждения наметились две точки зрения. В начале заседания Чарторыйский (являвшийся с января 1804 г. фактическим министром иностранных дел России в связи с тяжелой болезнью Воронцова) зачитал заранее подготовленное заявление. Документ этот по существу был своеобразным манифестом сторонников вооруженной борьбы с Францией. Акцентируя внимание членов Совета на всеобщем возмущении европейских легитимистов убийством герцога Энгиенского, Чарторыйский предложил объявить демонстративный траур русского двора и заявить Франции самый решительный протест. Предложения Чарторыйского, однако, шли значительно дальше. Осудив франко-русское соглашение 1801 г., он предложил разорвать дипломатические отношения с Францией и начать открытую подготовку к созданию новой антифранцузской коалиции совместно с Англией. Скрыто полемизируя с противниками этого курса, Чарторыйский всячески расписывал абсолютную безопасность такой политики для России, так как, по его мнению, Франция, не имея непосредственных границ с Россией, не может прямо напасть на нее.

О том, что сторонники войны с Францией уже давно вели подготовку к этому курсу, свидетельствует жалоба Чарторыйского, что Наполеон опередил развитие событий: «Случись обстоятельство, подобное последнему, тремя месяцами позднее, то, как ни печально и злополучно оно само по себе, оно случилось бы, так сказать, в подходящее время и вызвало бы решительный демарш со стороны России. Тогда чувства Австрии и Пруссии выяснились бы больше и определились; Дания была бы подготовлена; наш корпус на Семи островах, получив подкрепление, был бы в силах охранять Грецию и помочь Неаполитанскому королевству с помощью установленного согласия с Англией».

Программа Чарторыйского встретила возражения сторонников политики «свободы рук». Если по вопросу об объявлении демонстративного траура сомнений не было, то основное предложение Чарторыйского – начать открытую подготовку к войне с Францией в союзе с Англией, Австрией и Пруссией – вызвало серьезные разногласия. Это особенно отчетливо прозвучало в выступлении Румянцева: «Его величество должен руководиться только государственной пользой, и поэтому всякий довод, истекающий из одного чувства, должен быть устранен из числа его побуждений; так как только что совершившееся трагическое событие не касается прямо России, то им и не затрагивается достоинство империи».

Осудив программу Чарторыйского как попытку вовлечения России в войну с Францией за интересы других европейских государств, Румянцев выдвинул свой план:

«Следует просто надеть траур и на все смолчать». Если же Александр хочет все же продемонстрировать свое возмущение, то в качестве крайней меры «можно бы ограничиться простым перерывом сношений с Францией», но не ввязываться в войну с Наполеоном.

И хотя Совет не принял никакого окончательного решения, весь ход обсуждения внешнеполитического курса России в новых условиях дипломатической обстановки показал, что дни политики «свободы рук» сочтены. Немалую роль сыграли опасения, что Россия одна, без помощи английского флота, будет не в состоянии оборонять огромную береговую линию Балканского полуострова.

Когда же стало известно, что подозрения России относительно угрозы статус-кво на Балканах разделяет и Австрия, судьба политики «свободы рук» была окончательно решена. Австрия и Россия составили сухопутный хребет новой коалиции, которую радостно приветствовала Англия. Для сторонников русско-английского союза наступили горячие дни. Чарторыйский, Новосильцев, Строганов в Петербурге, С. Р. Воронцов в Лондоне, Разумовский в Вене – все они, не покладая рук, трудились над созданием III, самой мощной антинаполеоновской коалиции. Никогда более Чарторыйский, польский князь на русской службе, не возносился так высоко, как в эти полтора года.

* * *

Вторая половина 1804–1805 год были «золотым временем» англо-русских дипломатических отношений. Александр I, наконец, сделал ставку на Англию.

«Молодые друзья» Александра I разработали грандиозный план установления англо-русско-австрийского господства в Европе. Он состоял из двух неравных частей. В первой, «теоретической», содержались проекты политического переустройства Европы в случае победы коалиции над Францией. Для 1804–1805 гг. важнее, однако, была вторая, «практическая», часть этих проектов – конкретные пути установления господства Англии, России и Австрии в Европе, а также определение места Франции в новой системе «европейского равновесия». Они были определены в основном документе коалиции «Англо-русской союзной конвенции о мерах к установлению мира в Европе» от 11 апреля 1805 г.

Главные участники коалиции на суше – Россия и Австрия – должны были выставить почти 400 тыс. человек и ровно столько же – другие потенциальные ее участники (Неаполитанское королевство, сардинский король, Пруссия, Швеция). Англия брала на себя субсидирование коалиции и поддержку ее армией с моря. Эта огромная по тем временам (почти миллионная) армия должна была вторгнуться в пределы Франции.

В части, касающейся будущего политического переустройства Европы, всего интереснее были планы в отношении социально-экономического и политического устройства Франции в случае победы над Наполеоном. Понимая необратимость процессов, происшедших во Франции, создатели коалиции заявляли, что «хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции». Более того, делался намек, что легитимистские державы могут признать даже республиканскую форму правления во Франции, «лишь бы она была совместима с общественным спокойствием».

Правда, эта декларация имела в виду прежде всего пропагандистские цели – добиться изоляции Наполеона и его окружения от народа и государственного аппарата (прежде всего армии). Но сам факт включения такой статьи в основное соглашение свидетельствовал о том, что центр тяжести III коалиции в отличие от двух предыдущих переносился из плоскости борьбы против «революционной заразы» в плоскость разгрома Франции как государства, все более и более мешавшего Англии и России осуществлять их собственные захватнические планы.

Впрочем для всей истории III коалиции вполне подходила русская пословица: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...» Военная мощь коалиции, подготовка которой заняла более 16 месяцев, была сломлена Францией менее чем за 2,5 месяца. Не дожидаясь, пока союзники договорятся о дележе шкуры еще не убитого медведя и объединят свои военные силы, Наполеон первым перешел в наступление. Он и на этот раз остался верен своей стратегии разгрома противников поодиночке. Основной удар пришелся по Австрии. 20 октября 1805 г. при Ульме французская армия нанесла первое крупное поражение австрийцам, заставив капитулировать 33-тысячную армию генерала Мака. Правда, на другой день на море коалиция

взяла реванш: английский флот полностью разгромил франко-испанскую эскадру у мыса Трафальгар, навсегда лишив Наполеона возможности соперничать с Англией на морях. Но зато 2 декабря 1805 г. Франция нанесла новое сокрушительное поражение австро-русской армии при Аустерлице. Военная мощь III коалиции на суше была сломлена.

Наполеоновская дипломатия завершила дело. 26 декабря в Пресбурге (Братислава) она продиктовала Австрии условия мира, скорее похожие на условия капитуляции. Насмерть перепуганный австрийский император, брошенный своими недавними союзниками на произвол судьбы, не только признал фактическую оккупацию Наполеоном Италии, отказался от своего политического влияния в германских государствах, но и отдавал Франции Венецию и, что было самым страшным для царского правительства, свои балканские провинции – Истрию и Далмацию. С таким трудом созданная Россией система защиты своих позиций на Балканах рушилась – французы зашли в тыл русской военно-морской базе на Ионических островах.

* * *

Аустерлиц и Пресбургский мир положили начало совершенно новой обстановке в Европе. Франко-русские соглашения 1801 г. оказались похороненными. Наполеон не только закрепил все сделанные им до 1805 г. завоевания, но и приобрел новые территории в Италии, Германии, на Балканах.

Разгром Австрии, нейтрализация Пруссии, окончательное закрепление в Италии и германских государствах и – самое главное – выход на Балканы чрезвычайно усилили позиции Франции. Почти половина Западной Европы была под контролем французов. На западе Наполеона от России отделяла лишь формально независимая, слабая Пруссия, а на юге росла угроза новой русско-турецкой войны. Резко обострились противоречия в лагере бывших союзников по III коалиции.

В этих условиях в русских правительственных кругах вновь обострились противоречия, тем более что в Петербурге и Москве дворянство открыто выражало недовольство неудачами русской армии и дипломатии. Царь поспешил собрать новое заседание Государственного совета для обсуждения дальнейшего курса внешней политики России; оно состоялось в январе 1806 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.